

Александр Ломтев

Контрабандисты

Документальное повествование с отступлениями «кстати»
(Некоторые имена и названия места действия изменены)

Памяти саровского журналиста,
писателя, историка Игоря Макарова

Однажды тихим зимним вечером 2010 года я взялся, наконец, за давно запланированный разбор фотографий, блокнотов, кассет и документов, привезённых из командировок в Чечню, Абхазию, Приднестровье, Косово, Южную Осетию... Сортируя и убирая их в архивные коробки и папки, я с некоторой даже грустью думал, что теперь-то уж вряд ли мне доведётся когда-нибудь отправиться в «горячую точку» и хлебнуть адреналина. Конечно, конечно, война — дрянь. Но на войне с людьми что-то происходит, она словно рентгеном просвечивает сущность каждого, и ты почти сразу видишь, хороший перед тобой человек или так себе, с гнильцой. На войне — с автоматом ли в руках или с фотоаппаратом на шее и блокнотом в кармане — ясней понимаешь ценность товарищества и хрупкость жизни. Хемингуэй написал в своё время: «Те, кто сражается на войне, — самые замечательные люди, и чем ближе к передовой, тем более замечательных людей там встретишь...» Я проверил — старик Хэм прав...

Я рассматривал и складывал фотографии: вот башня грузинского танка, сорванная ударом снаряда и вбитая дулом в асфальт прямо у крыльца какого-то здания в Цхинвале; вот сапёры инженерной разведки под прикрытием автоматчиков прощупывают дорогу к Аргуну, куда я добирался с гуманитарным грузом; вот колючая проволока в сербской Грачанице, окружающая базу «белых касок»; вот фото учебника русского языка с застрявшей в корешке автоматной пулей из Приднестровья. Целились в человека, попали в русский язык... Теперь, кажется, настали мирные времена. Но... Война не отпускала.

1. Я с тобой!

— Мы тут собрали гуманитарку для Новороссии, — голос в телефонной трубке принадлежал лидеру саровских «лимоновцев» Никите Бахареву. — А вы, говорят, собираетесь туда. Может, захватите наш груз?

Собираться-то мы собирались. Но как? На дворе лето 2014-го, до признания республик Новороссии — годы. Местное начальство выжидающе поглядывало на Москву, а Москва молчала... Аккредитаций никаких туда не было, как примут на границе, разрешат ли проехать — неясно, какой дорогой лучше добираться — непонятно... — У меня есть телефон одного тамошнего человека, он проведёт через границу. Только... — замылся Никита. — Он как бы контрабандист.

Здрассте! Ну, контрабандист так контрабандист, и я записал номер.

Контрабандист был краток: гуманитарка? Проведём. Будете подъезжать — звоните, встретим...

За несколько дней до отъезда был обстрелян Донецк. Не украинский, а наш, что находится недалеко от Ростова-на-Дону, практически на границе. Само собой, журналистское естество требовало отправиться именно туда, а значит, и гуманитарку решено было везти в Луганск, до которого от Донецка меньше ста километров.

Дня за два до отправления, когда вместительный внедорожник KIA Mohave был под самую крышу забит пакетами с медикаментами, тюками с одеждой и обмундированием, коробками с продуктами, в редакцию влетел саровский писатель, историк-балканист Игорь Макаров и сказал: — Я с тобой!

С Игорем мне доводилось поехать и по России, и по «зарубежам» немало. В последней нашей поездке в Сербию пришлось даже испытать некоторое приключение, о котором я потом рассказывал посмеиваясь, но в тот момент было не до смеха. Случилось это в косовской Грачанице.

Однажды в Грачанице

Одно дело ехать куда-то по туристической путёвке, так сказать, *all inclusive*, и совсем другое — в командировку в «горячую точку». Тут всякое может случиться. Дороги послевоенной Сербии не могли не привести нас в Грачаницу, что километрах в восьми южнее Приштины. Маленький сербский городишко с монастырём в центре, окружённый албанскими поселениями, жил словно в прифронтной полосе. Тут и там колючая проволока, белые

каска миротворцев, брошенные дома и разлитое в воздухе неясное напряжение, тревога...

Эйфория, вызванная «приштинским броском», сходила на нет, и Игорь, мой спутник по сербским скитаниям, мрачно повторял:

— Ельцин Косово сдаст, вот увидишь.

Да, было похоже, что Косовский край будет отторгнут от Сербии, но кто бы знал, что это случится так внезапно?..

Уже перед самым отъездом решили мы с Игорем побродить по окрестностям. Нас предупредили: на территорию проживания албанцев лучше не заходить. Узнать можно по флагам: где сербские — там спокойно, где албанские — могут быть инциденты. Каменистыми узкими тропками забрались на какую-то горушку, с вершины которой якобы видно Албанию. Посмотрели: ну, Албания и Албания — те же холмы, поросшие рыжеватыми травами и редкими корявыми деревцами. Пока спускались, заговорились и свернули не на ту тропку. Вдруг заметили, что над домами, что рассыпались по склону, — сплошь красные албанские флаги. Смотрим, от одного дома наперерез нам идёт бородатый, брутального вида мужик с автоматом. Игорь, крикнув: «Бежим!» — припустил вниз, к шоссе. Я бежать что-то постеснялся, да и куда мне с хромой ногой? Мужик с автоматом поравнялся со мной и начал на ходу что-то говорить. Я решил, что не стоит отвечать ему по-русски или по-сербски, но и молчать было бы странно. Тут у меня как-то само собой вырвалось:

— Нихт ферштейн.

Так мы и шли почти до шоссе: он мне что-то «бла-бла-бла», я ему в ответ «нихт ферштейн». В конце концов он отстал.

Серб, сопровождавший нас в поездке, долго качал головой и цокал языком: мол, всё могло бы кончиться очень и очень нехорошо...

Утром, когда мы собирались уезжать на легковушке нашего сопровождающего в Косовску Митровицу, выяснилось, что Косово отделилось от Сербии и все КПП на границе заняли албанцы. Ехать на машине опасно. Решили, что отправимся из Приштины на рейсовом автобусе, который отвозит через границу на работу в Сербию и косовских сербов, и косовских албанцев. Всё-таки будем на виду у людей.

На КПП в автобус вошли двое албанцев — копии того брутального мужика с горы, тоже в бородах и с автоматами. Проверяли документы. Увидев наши с Игорем российские паспорта, принялись что-то кричать, чего-то требовать. Ясное дело, предъявив российский документ, глупо было прикрываться «нихтферштейном». Я улыбался и вежливо повторял, что не знаю албанского, просил позвать переводчика. Ситуация неприятно накалялась; спасло нас то, что вместе с албанцами на КПП стояли ооновские «белые каски».

Один из ооновцев, увидев происходящее в окно, постучал по стеклу и погрозил пальцем. Албанец бросил нам наши паспорта и пошёл из автобуса. Мы тогда не знали ещё, как поступали иногда косовские албанцы с пассажирами одиноко проезжавших машин. Так что, может быть, нам с Игорем повезло, что наши органы не достались какому-нибудь европейскому миллионеру.

По дороге в Белград мы снова и снова переживали случившееся.

— Я же говорил, — качал головой Игорь, — сдадут Косово. Вот и сдали. Это всё равно как если бы у нас Куликово поле отобрали, понимаешь?

В Белград мы приехали поздним вечером, а утром улетели в Москву. День был ясный, безоблачный, я смотрел вниз, на пёстрое европейское лоскутное одеяло, а из головы всё не шёл тот бородатый мужик с «калашниковым»...

2. Хулиган, баптист и «достопримечательности»

От Сарова до Донецка чуть больше тысячи километров. Пустык. Ехали через Тамбов по не сильно загруженным второстепенным дорогам, а на ростовскую трассу выбрались уже значительно южнее Воронежа. Тут-то величавым жестом полосатого скипетра и остановил нас инспектор ГИБДД. Глянул на документы, проверил страховку и долго рассматривал забытый грузом салон.

— Гуманитарку возём, — не выдержал паузы Игорь. — В Луганск.

— А документы на груз у вас есть? — задумчиво спросил инспектор.

Знал я, что такой вопрос может прозвучать, и, естественно, подготовился. Сунул ему в руки командировочные удостоверения и накладные с подробным перечислением везомого, украшенные синими печатями и жирными убедительными подписями.

Гаишник почесал бритый затылок полосатым жезлом, задумался. Потом вздохнул и махнул рукой в сторону Ростова-на-Дону: езжайте!

Солнце скатывалось к волнистой линии горизонта, когда показалась стена с надписью «Донецк», со скульптурами казака, ведущего на поводу коня, с одной стороны и шахтёра с отбойным молотком с другой. Въехав в город и сделав по нему несколько кругов, мы не увидели ни малейших примет какой-либо тревоги: работали магазины, кафе, по улицам гуляли мамы с колясками — обычный рабочий день обычного российского городка. Правда, вскоре нас остановили сотрудники ГИБДД, да и то лишь потому, что примелькался загруженный джип с неместными номерами. Они и объяснили нам, как добраться до квартала, куда упали украинские снаряды. Как сообщала пресса тех дней, на окраине Донецка в частном секторе взорвалось семь снарядов, один из которых попал во двор

частного дома. Двое получили ранения, один человек погиб. Причём российские официальные лица заявили тогда, что «пограничные города вблизи Украины, которые, по утверждению Украины, использовались повстанцами, и до этого подвергались обстрелам со стороны украинских войск».

Мы нашли ту улицу и тот дом. Во дворе нас встретила только собака. Ну как встретила — смотрела на нас из-под табуретки недоумевающими слезящимися глазами. Хозяин её уже несколько дней лежал в могиле. Эта брошенная, бездомная теперь животинка смотрела на нас так по-сиротски беззащитно, что стала в тот момент для меня, может быть, самым пронзительным символом бесчеловечности войны.

Стоя над одной из воронок, Игорь Макаров сказал:

— Ты понимаешь, на каком историческом месте мы сейчас находимся? Это первое в новейшей истории место военного вторжения чужого государства на территорию России.

— Место обстрела, — поправил было я, но Макаров не согласился:

— Обстрел — это и есть военное вторжение. Последний раз территория России была обстреляна в 1969 году на острове Даманском во время советско-китайского конфликта. Сорок пять лет назад...

В этом захолустном пригороде Донецка не было абсолютно никаких достопримечательностей; зато теперь достопримечательностей целых пять — пять воронок от взрывов украинских снарядов. «Главные» — на улице Балтийской. Какое отношение эта корявая — колдобина на колдобине — улочка имеет к Балтике, совершенно непонятно. Да и не имеет это значения. Но именно здесь произошли главные события того трагического воскресного утра тринадцатого июля.

Есть такое расхожее словосочетание: «в голове не укладывается». Штамп, конечно, банальность, но ведь действительно — не укладывается. Утром простой русский человек Андрей Шулятьев вышел из дома на крылечко, чтобы покурить, посмотреть сквозь развесистые ветви старых деревьев на безоблачное небо, подышать не ушедшей ещё утренней свежестью, погладить приластившегося рыжего котёнка. Очередной день обычной жизни.

Но через секунду свист снаряда и взрыв в десяти шагах от крыльца. И ни в чём не повинный человек лежит, истекая кровью, на крыльце дома, иссечённый осколками, а рядом валяется его отрубленная куском рубчатого металла рука.

Человека похоронили, а воронка — вот она, зияет посреди двора.

Другой двор — и другая воронка. Всё вокруг посечено осколками, ещё одна перепуганная собачонка печальными глазами смотрит, как мы фотографируем воронку, осматриваем иссечённые

осколками стены, трогаем пробитую в нескольких местах газовую магистраль.

Места, где в стенах зияют дыры от осколков, следователи обвели мелом. Все осколки извлечены. Нет, не все. Замечаю один, цветом слившийся со старой древесиной. Нахожу какую-то железку и выковыриваю осколок из доски. И вдруг понимаю, что точно такой же лежит у меня в редакции, привезённый когда-то из Чечни...

Подходят местные жители. Рассказывают, как это было.

Двое — два Николая — берутся проводить нас к дальним воронкам. Оба — шахтёры на пенсии, примерно одного возраста, одной комплекции и роста. Только один всё время беззлобно матерится, а второй то и дело его одёргивает.

— Ты в баптисты, что ли, записался? — сердится хулиганистый.

Так я их для себя и окрестил — Баптист и Хулиган.

Хулиган

— Во, смотри! Вишь, рельс перерубило; я тебе говорю, это шестикрылка, это же чугун. Я по Чечне помню. Взрывается не от удара о землю, а над землёй, чтобы живой силы побольше уничтожить. На триста осколков разлетается. Поэтому и воронки такие неглубокие. *(Всю ненормативную лексику из речей Хулигана я убрал, в ином случае объём этого текста увеличился бы втрое.)* Он же, Андрей, — мой кум, понимаешь?! Был человек — и нету. Ну, губернатор семье миллион выплатил, а что толку?..

Хулиган повёл нас задворками через бурьян к ещё одной воронке.

— Вот, смотри. Вон там, за забором, стоял Витёк. Вот он наклонился зачем-то, сорвать, что ли, что-то или поднять, и тут ка-ак рванёт! Его взрывной волной так и смело. Но ни одной царапины. Понимаешь, как повезло!

Тут хулиган вынул из кармана чекушку.

— Будешь? Нет? Тогда пойдём с другого края посмотрим, там тоже рвануло.

На «другой край» шли таким же бурьяном. На небольшом огороде, засаженном кукурузой, — голая плешь. Воронка.

— Бабки не было на огороде, а то бы и её...

Хулиган притащил нас к своему дому, дал напиться — очень кстати — холодной воды. Сунул Игорю Макарову пластиковый стакан с осколками: — Мы их там после экспертов целый пакет насобирали...

Мы присели в тенёк абрикосового дерева, и Хулиган снова вынул чекушку.

— Будете? Ну, как хотите. Может, пообедаете? Ну, как хотите.

Под нескончаемый дуэт Хулигана и Баптиста к нам подходили местные.

— Комиссия? Нет? Ничего не говорят, будет какая компенсация или нет—неизвестно...

Присел рядом с Хулиганом паренёк лет девятнадцати, попросил закурить.

— Во!— обрадовался Хулиган.— Санёк— собирается в ополчение записываться с друзьями.

— Правда?— спросили мы.

Паренёк скромно кивнул головой. Высказался в том плане, что, во-первых, «укропов» нужно наказывать, во-вторых, тут всё равно делать нечего.

Баптист

Пока мы бродили по посёлку, Баптист успел рассказать нам и про то, как каждый день с вершины террикона наблюдал в бинокль жестокие бои ополченцев с «нациками»— бойцами украинской нацгвардии, и про то, как попал в шахте в аварию и серьёзно пострадал, как получил инвалидность и повышенную пенсию. И про события минувшего воскресного утра, естественно.

— Ко мне как раз гости из Москвы приехали, понимаете,— дочь с внуком. И тут как шархнет! Сначала такой дальний хлопок, потом свист и взрыв! И по крыше будто кто-то шарики от подшипника бросил. Внук потом дня два с берушами в ушах ходил.

Внук баптиста— пацан лет десяти-двенадцати— стоял тут же:

— Нас дед сразу в соседний дом отдыха увёз на всякий случай.

— Ну да,— подтверждает баптист,— мало ли что, они же в гости, из Москвы приехали, а тут такое...

Словоохотливый Баптист рассказал нам и о «контриках». У меня термин вызывал только одну ассоциацию— контрреволюционеры. Но нет, местные «контрики»— это контрабандисты.

— Настоящей границы между Украиной и Россией тут никогда и не было. Через КПЗ Изварино ездили официально, а чуть в сторону— полно полевых дорог, по которым местные туда-сюда ездили как хотели. Ну и в голодные годы местные ребята возили «огородами» на украинскую территорию то, что у них в дефиците, а на нашу— то, что у нас. Я сам на них работал, в «узики» и «Нивы» мешки грузил. Помню: мешок сахара— рубль. А потом даже два. Подрабатывал.

Человек, который взялся «затащить» нашу гуманитарку на украинскую территорию, и был одним их этих «контриков».

Разговор о «контриках» напомнил нам о том, зачем мы, собственно, приехали. Выбрав тенистую улочку, припарковались и принялись названивать нашему контрабандисту. Встречу он назначил на полдень завтрашнего дня, объяснив это тем, что ждёт ещё одну партию груза. Ну, раз такое дело, решили мы, с утра отправимся в лагерь беженцев, который заметили, ещё подъезжая к Донецку...

3. Лагерь беженцев

Голая степь. Ни деревца. На солнце—под сорок градусов. Если задувает ветер, по жёсткой сухой траве метётся пылевая позёмка.

Но ощущения унынья нет. А правильные аккумуляторные ряды больших военных зелёных и голубых эмчезовских палаток создавали ощущение порядка и надёжности. Люди шли в надувные модули администрации, в палатки медпунктов, в палаточные же столовые. Остановились послушать очередное сообщение по громкоговорителю: «Кому необходимы российские сим-карты, приходите к оранжевой палатке с паспортом. Внимание: кому нужны российские сим-карты...»

Полевые кухни работали без остановки: питание здесь, как и положено, трёхразовое, а нужно накормить массу голодных людей. Условия, конечно, не курортные, но беженцы рады и этому. — Уж лучше палатка, трёхразовое питание и возможность спасти детей, чем ночи в бомбоубежище без света, без еды, под взрывы,— говорят журналистам все как одна луганские женщины с детишками, стоя в очереди на обед в палатку-столовую.

Чтобы хоть как-то скрасить детишкам жизнь в лагере под палящем солнцем, эмчезники поставили для них бассейн.

На краю лагеря— «барахолка», сваленные на брезент вещи из гуманитарной помощи. Беженцы, в основном женщины, неторопливо роются в развалах одежды. С краю стоит девчушка лет десяти, задумчиво рассматривает на вытянутых руках джинсики. Проходящий мимо пацан её лет бросает презрительно:

— Опять ты здесь!

Девчонка в ответ ещё более презрительно фыркает...

Бродя по лагерю, я невольно вспоминал непробиваемую госпожу Псаки, утверждавшую, что Россия значительно преувеличивает число беженцев. Здесь их, как сообщил нам начальник лагеря, ежедневно бывает по пятьсот-шестьсот человек. В тот день, когда мы посетили лагерь, в нём было пятьсот тридцать два беженца. Живут они тут по три-четыре дня, потом разъезжаются либо по родным, либо туда, куда предложат миграционные службы. А на их место прибывают новые партии. Вот и считайте...

Уезжая из лагеря, мы оставили начальнику телефон саровской писательницы Любове Ковшовой, которая готова принять семью беженцев в своём доме в Гжатске...

4. За границу!

С самого приезда в Донецк все— и оба Николая с улицы Балтийской, и полковник МЧС из лагеря беженцев, и гибэдэдэшники,— едва мы заговорили о желании ехать в Луганск, махали руками и в один голос твердили: с ума сошли, ни в коем

случае! На краснодонском направлении снайперов как мух. Почти наверняка застрелят. Сколько там уже машин стоит, не прорвавшихся.

— Вот эта дорога через посадки идёт прямо на Краснодар, — показал на раздолбанный просёлок Хулиган. — В Краснодоне ополченцы, там не опасно. Но в том-то и дело, что до Краснодона вы не доедете. Ехать надо посадками, а там сейчас полно «нациков». Останова, выведут в лес и расстреляют. Или снайпер...

Мы всё же решили рискнуть. Контрабандист ждал нас в условленный час в условленном месте.

Не нужно было какой-то особой наблюдательности, чтобы понять, что Контрабандист — человек бывалый и не чуждый «теневого» стороны жизни.

— Но как же, — искренне изумился Макаров, когда понял, с кем нам предстоит иметь дело, — контрабандист и ополченцы?!

— А по-твоему, контрабандист не может быть патриотом?

Не знаю, из чистого ли патриотизма действовал Контрабандист или имел какой-то «навар», мне он понравился. Деловой человек, чёткий.

— Так, едете за нашей машиной, на «точке» заберём ещё груз и «мафию».

«Мафия» на жаргоне «контриков» — добровольцы.

С переправкой в Луганск и украинский Донецк всё отработано. Все проверяются, всё обговаривается заранее, есть где заночевать, дожидаясь отправки очередной партии. Если нет документов, а многие специально оставляют документы дома, — не беда, переправка «на ту сторону» всё равно состоится. Совсем как во время гражданской войны в Испании, подумалось мне.

На «точке» — заросшем пустыре за окраиной Донецка — нас ждали; из разнокалиберных легковушек вышли и совсем молодые, и постарше крепкие мужчины с большими сумками. Добровольцы. Впрочем, оказалась среди них и одна совсем маленькая хрупкая девушка, Тоня, землячка — из Нижнего Новгорода.

— Много женщин у ополченцев? — спросил я Контрабандиста.

— Имеются. Одна — медсестра — в бою у «Металлиста» тридцать человек спасла, на себе вытащила из-под огня... А эта, — шепнул мне на ухо, — едет как медсестра, на самом деле — снайпер.

Брать нас с собой непосредственно в Луганск Контрабандист категорически не хотел.

— Нельзя вам ехать! Вчера ещё рискнул бы, а сегодня — нет. Очень опасно: ситуация обострилась, ополченцы разбили на этом участке «укропов», и их остатки бродят сейчас по зелёнке между Изварино и Краснодоном. Нарваться на них можно в любой момент. Но даже если проскочим, неизвестно, когда можно будет вернуться из Луганска,

не факт, что сегодня или завтра кто-то пойдёт сюда, а сами вы не выберетесь, тут и местные, бывает, плутают. К тому же на своей машине с российскими номерами вы — стопроцентная мишень.

В конце концов отвёл меня в сторонку: — Ладно, попробуем. Но два условия: если скажу поворачивать обратно — без споров-уговоров поворачиваете и возвращаетесь. Второе: вас здесь не было, и вы ничего не видели...

— Договорились.

— Ну вот, теперь вы тоже контрабандисты, — ухмыльнулся наш провожатый.

(Слово мы с Игорем не нарушили. Ни коллегам, ни близким ничего об этой авантюрной вылазке не рассказали. Но теперь, я думаю, это уже не имеет значения.)

Когда всё было готово к отъезду из «точки», Тоня, взяв меня за локоток, отвела в сторонку и, глядя в глаза, спросила:

— Я надеюсь, вы не из либеральной газеты? А то такую ерунду иногда пишут. Необъективно!

Я-то думаю, что объективной журналистики не бывает, да и быть не может. У каждого своя система координат, свои реперные точки. Другое дело, что есть честная журналистика. И заказная. — Нет, не из либеральной, — успокоил я амазонку, — но на враньё просто не нужно обращать внимания. Делай что должно, и пусть будет что будет. К тому же иногда журналист искренне верит в то, что пишет, не осознавая, что его незаметно и тонко не скажу — зомбировали, а — настроили.

— Как это — настроили? — фыркнула Тоня. — Человек не прибор, у него мозги имеются. Пример можно привести?

— Можно. Как-то в Чечне я познакомился с журналисткой из Чехии. Ивой её звали...

Ива

Поезд давно никуда не двигался. Он годами стоял на ржавых рельсах, которые прямой линией пересекали Пластилиновую долину. Пластилиновой долину в районе Ханкалы называли за глинистую тяжёлую почву, после каждого дождя превращавшуюся в вязкое липкое месиво. А когда стояла сухая жара, над долиной плавали клубы мелкой пыли. В плацкартных вагонах поезда устроили импровизированную гостиницу для журналистов. Утром по одному и группами они разъезжались по чеченским городкам и воинским частям, а к вечеру возвращались в свои вагоны на ночлег. Едва солнце уходило за неровную цепь дальних холмов, по вагонам проходил комендант и проверял, плотно ли занавешены окна со стороны степи. Оттуда по ночам постреливали. В некоторых стёклах ветер насвистывал в аккуратные дырки пулевых отверстий и колыхал байковые одеяла, выполнявшие роль светомаскировки.

— За насыпь не ходите,— с неустанностью попугая то и дело повторял комендант,— там мины. Позавчера там коза подорвалась...

Каждый вечер в купе, где мы бытовали вдвоём с норвежским телевизионщиком Муртоном, приходила молоденькая чешская журналистка Ива и затевала разговор на политические темы. А главной темой для неё была «Пражская весна».

— Русские — плёхо,— убеждала нас Ива.— Русским Европа никогда не простит подавления Праги, никогда! Русские и Чечню подавляют! Федералы — плёхо! Чечня борется за свободу, а русский солдат их погнетает!

— Угнетает,— флегматично поправляя её Муртон.

Иногда к нам присоединялись пожилой полковник из военной многогитражки и военный обозреватель из еврейской иерусалимской газеты. — Ну и как вы тут с чеченцами? — спрашивал еврей полковника.

— Да вот уж лет триста воюем, а вы как там со своими террористами?

— А мы пока лет пятьдесят...

— Вы не должны сочувствовать русским,— обижалась на еврея Ива.— Вы должны быть за свободу Чечни! Федералы плёхо себя ведут! Пригнетают чеченцев, убивают мирных жители!

— А чеченцы федералов шашлыком кормят? — подавал иногда голос и я.— Знаешь, сколько русских людей гниёт сейчас в чеченских зинданах? — Нисколько! — вскидывалась Ива.— Это пропаганда «Московского комсомольца», русские газеты врут! Пропаганда!

— Не наигралась ещё,— ворчал потихоньку норвежец,— делит ещё мир на хороших и плохих... Ничего, с возрастом это проходит...

— Не проходит! — упрямялась Ива.— Россия дикая страна, всем плёхо делает. И украинских патриотов Россия пригнетает!

— Угнетает... Я, кстати, не так давно работал на Западной Украине,— оживился норвежец,— послушал я речи местных националистов, послушал и сразу стал русский шовинист...

Мы пили коньяк, закусывали тушёной и говорили, говорили, говорили свои «политические разговоры». Иногда в ночи раздавался взрыв, или выстрел, или длинная очередь. Мы на секунду смолкали, прислушиваясь, и снова выпивали, закусывали и разговаривали... Незадолго до отъезда Иву взяли на «зачистку». Это, конечно, было против правил. Даже хуже, риск был слишком велик, но полковник отчего-то решил рискнуть. «Зачищали» аул по наводке «федерального чеченца». Предполагалось освободить трёх-четырёх рабов. В ауле в пятьдесят дворов из каменных сараев и земляных ям — зинданов — вызволили двадцать пять отощавших, завшивленных, заросших щетиной пленных. И старых, украденных ещё до начала войны, и молодых, взятых в плен

солдатиков. Среди освобождённых оказалось и три женщины. Битые, регулярно насилованные, в обносках, они затравленно жаллись к военным до тех пор, пока их не привезли в Ханкалу. Всю дорогу они плакали и рассказывали, рассказывали о том, что с ними произошло, как их обманом вывезли в Чечню, как продавали и перепродавали... В тот вечер Ива к нам не пришла. Она лежала на второй полке своего купе и тихо плакала.

— Не надо её трогать,— останавливал норвежец сердобольных коллег,— пусть поплачет, это полезно, у неё сердце открылось...

5. Не доехали

Ехали действительно какими-то «задами» — оврагами, буераками, вдоль лесополос. Буксовали в канавах, продирались сквозь какой-то чапыжник, едва заметными колеями кралась по косогорам. Контрабандист пересел к нам в джип и показывал загорелой рукой:

— Вон там, слева за холмами,— Изварино, дальше — Краснодар. Трассу отсюда не видно, но там по обочинам полно разбитых машин. Да и дорога вся в хлам. Мы попробуем через Суходольск проскочить.

Контрабандист вдруг схватил рацию, прокричал водителю передовой машины:

— Не гони! Пыль поднимаешь...

Вот эти слова как-то сразу настроили нас с Игорем на серьёзный лад, словно что-то переключилось в сознании. Вскоре мы потеряли счёт времени и ориентацию, мотающаяся в трёх метрах перед нами «Газелька» словно гипнотизировала. Ничего не происходило, но напряжение отчего-то росло. Нервничал и невозмутимый вроде бы Контрабандист. — Не забыл, Лысое объезжаем слева, по оврагам,— бубнил в рацию Контрабандист. И уже нам: — Скоро въедем на высотку, оттуда уже увидим Луганск.

Луганск мы действительно увидели, когда по едва заметной на склоне холма колее въехали на какую-то горушку. Едва различимая в жарком мареве светлая полоска домов у горизонта в огромной, как нам показалось, чаще долины. Но тут зазвонил телефон Контрабандиста, и наша маленькая колонна остановилась. Контрабандист вышел и, отойдя от машины, о чём-то долго говорил с неведомым нам абонентом. Потом мы довольно стояли, пока к нам из «зелёнки», словно материализовавшись из ничего, не подкатила ещё одна «Газелька», и мы принялись перегружать наш груз в неё. Я всё понял: возвращаемся...

Подошёл Контрабандист: — Нужно двоих на «точку» доставить. Возьмёте? Провожатого я вам дам. Это добровольцы...

6. Добровольцы

В дороге напряжённо помалкивали. Звонок Контрабандисту ничего хорошего не сулил. Однако

до «точки» добрались без происшествий, и все повеселели. Оказалось, что пятидесятиррёхлетнего танкиста из Хабаровска и пятидесятипятiletнего отставника из Казани нужно было «подбросить» до Ростова-на-Дону. Дорогой разговорились.

— В армии Новороссии ныне воюет два вида бойцов — ополченцы и добровольцы, — растолковывали нам пассажиры. — Ополченцы — местные жители, они дали присягу ДНР и ЛНР и официально считаются проходящими службу. Со всеми вытекающими. Добровольцы — люди, приехавшие извне. Они присягу не дают и могут уехать с войны в любое время, заранее предупредив командира. — Откуда они?

— Из России, в том числе с Кавказа, из Белоруссии; говорят, то ли уже прибыла, то ли вот-вот придёт целая группа из Германии. В нашем отряде воюет один югослав...

— О, серб? — оживился балканист Макаров. — Как его зовут, откуда он?

— Ну кто же знает? — пожал плечами доброволец. — Там никто никого не спрашивает об этом. Просто зовём его Югославом, и всё...

И я в который раз вспомнил о гражданской войне в Испании, об интербригадах, вспомнил старый советский фильм «Парень из нашего города» с Николаем Крючковым в главной роли, где его герой, попав в плен, выдавал себя за испанца, а хитрый немец говорил: мол, какой ты испанец с такой рязанской рожей?..

— Я вот не понимаю, — выдал вдруг некто Игорь, — в чём разница между добровольцем и наёмником?

Казанец сначала нахмурился, но потом взял во внимание сугубо штатский вид Игоря и стал толковать:

— Наёмник приходит воевать в чужую страну, как правило, по одной из двух причин: или из-за денег, или из-за адреналина...

— Или по обоим причинам сразу, — вставил немногословный танкист. — И ему нас...ть и на тех, за кого он воюет, и на тех, против кого. Это для них или заработок, или развлечение такое — охота как бы...

— А мы тут на своей земле, на русской, мы не за деньги, мы за Родину воюем, — подхватил казанец.

Хоть и очень неохотно он рассказывал о себе, но всё же стало ясно: профессиональный военный, причём явно из спецслужб. Да, был в Афгане, да, доводилось в Чечне, ещё кое-где...

— Где?

— ...

Он беспрерывно кашлял, не помогала ни вода, ни конфеты-«сосучки».

— Подозреваю я, что «укропы» что-то распыляли, у нас все поголовно кашляют. Точно какую-нибудь дрянь распылили...

— Сколько там наших, из России?

— По моей оценке, в луганской группировке процентов пятнадцать, остальные местные. Неприятно видеть, как здоровые мужики бегут из Луганска в Россию, а наши ребята едут сюда за них воевать. К Путину ополченцы хорошо относятся, на него вся надежда. Да и помощь кое-какая есть... Сейчас с медикаментами нормально стало, много прислали из России, а вот с питанием похуже, и снаряжения не хватает. Если новую партию собирать будете, имейте в виду, что обмундирование очень нужно, разгрузки, бинокли, приборы ночного видения...

Танкист между тем задремал, и Казанец тихонько рассказал нам о нём:

— Танкист от Бога, горел три раза — и ничего. Бурят — его позывной был.

Потом, вернувшись домой, я «по горячим следам» написал рассказ.

Бурят

Что это было, Бурят так и не понял. То ли пуля из крупнокалиберного, то ли осколок. Факт тот, что голова разлетелась, как арбуз. Однажды на пикнике он выстрелил в арбуз картечью из «Сайги», и тот разлетелся вдребезги. Вот так же разлетелась голова Командира. Бурят несколько секунд бессмысленно смотрел, как по его комбинезону стекает медленная кровь вперемешку с мозгами Командира, но тут по броне снова ударило, и он очнулся.

Водитель застывшими глазами смотрел на тело Командира и не двигался. Буряту пришлось отвесить пару оплеух, чтобы тот пришёл в себя и отвернулся к рычагам.

Дальше всё было обычно. Их танк шнырял по переулкам, выцеливая бэтээры или скопления противника, они в кого-то попадали, попадали и в них, но танк не загорался, и пробойн не было...

Хоронить Командира увезли в Россию, он был не из ополченцев, а из добровольцев.

Командира не стало — и ничего не изменилось: они теснили нацгвардию, нацгвардия теснила их. Иногда удавалось посмотреть телевизор; там то же самое: ополченцы Луганской Народной Республики разбили колонну украинской техники, уничтожено три бэтээра. Кто-нибудь поправляет: пять!

И только дня через три или четыре Бурят догадался, что совсем не спит. Это было даже удобно — спать было некогда, техники не хватало, а из рации то и дело несло: «„Укропы“ со стороны Краснодона! Поддержите огонь!» И нужно было лететь на другой конец Луганска, чтобы заткнуть очередную брешь. Но потом он вдруг стал засыпать на ходу. Это было уже хуже. Однажды он заснул прямо среди боя, и водитель едва растолкал его.

После этого его отправили домой. Его посадили на пробитую пулями и осколками «Газель», и та

покатилась «задами» и «огородами» к российской границе.

Бурят трясся на жёсткой скамейке, по привычке высматривал в зелёнке «укропов» и думал, думал, думал, как он будет жить дальше.

На окраине Ростова ополченцев ждали на местной легковушке.

— Я туда обязательно вернусь,— сказал казанец, прощаясь с нами.— Всё ещё долго будет продолжаться...

На обратном пути Игорь уговорил меня проехать через Урюпинск. Это был хоть и небольшой, но крюк. Километров в двести лишних.

— Ну что такое двести километров, когда мы больше тысячи отмахали? — настойчиво убеждал меня приятель.— Интересно же, чем эта столица российской провинции так нашим юмористам приглянулась.

Мне вдруг вспомнилось, что именно в Урюпинске герой повести Шолохова «Судьба человека» Соколов нашёл и усыновил беспризорного Ванятку. И я сдался: действительно, двести километров — туда, двести — сюда...

По дрянной петлястой сколиозной дороге протряслись часа два, пролетели мост через Хопёр — и вот он, Урюпинск. Не знаю, чего от этой встречи

ожидал Игорь, но хоть и делал он вид, что доволен, разочарование явно читалось на его лице.

— Увидеть Урюпинск и умереть,— произнёс вдруг Игорь, разглядывая деревянные домишки пригорода и хрущёвских времён жилые и административные строения...

...Уже когда мы вернулись в Саров, стало известно, что украинская нацгвардия вышла на трассу Донецк — Луганск. Так что слова Контрабандиста про «застрять на неделю» оказались пророческими. «Вчера противник перерезал последнюю основную трассу, связывавшую Донецк с Луганском и, соответственно, с Россией,— сообщил командующий донецким ополчением Игорь Стрелков.— Опорные пункты противника расположены теперь в посёлках Белое и Весёлая Тарасовка. Сейчас укры поспешно закапывают в землю несколько десятков танков и БМП, чтобы исключить возможность прорыва обороны...»

Сегодня я поневоле вспоминаю слова Игоря, сказанные в шутку: «Увидеть Урюпинск и умереть». Несколько лет назад он вышел на стадион размяться, упал и умер — тромб, кажется... Я думаю, будь он жив, двадцать четвёртого февраля обязательно влетел бы, возбуждённый, в редакцию и сказал бы: «Видишь, рано или поздно справедливость торжествует. Я ведь говорил...»